

на этикетках что-то вроде «Платок с павловопосадским мотивом», «Шаль в павловопосадском стиле», «Палантин с узорами Павловского Посада» — не подкопаешься. Они также остерегаются полностью копировать оригинальные рисунки наших художников: берут кусок одного эскиза, соединяют его на компьютере с другим, меняют цвета — и вперед. Так «морозные узоры» могут запросто оказаться окрашенными в коричневый цвет, и зима станет осенью — с тюльпанами. Даже именуют себя эти дельцы хитро: если настоящие платки производит Павловопосадская платочная мануфактура, то те, кто ей подражает, выбирают очень похожие названия, вроде Платочная мануфактура России.

Отличить подделки можно по нескольким признакам: в одном из углов павловопосадского платка обязательно стоит эмблема — роза в ромбе; на этикетке указано имя художника; размеры оригинальных платков четко регламентированы и «не круглые»: 72х72 сантиметра, 89х89, 110х110, 125х125, 146х146, 148х148. Изделия 100х100 сантиметров мануфактура не выпускает. А главное, не производит изделия из синтетики, только из натуральных материалов — шерсти, шелка и хлопка. Турки и китайцы заявляют, что состав их теплых платков — шерсть (80%) и вискоза (20%), но на самом деле там почти всегда один полиэстер. «Портянка и есть портянка, — возмущаются продавцы в фирменном магазине, который находится почти у самых ворот

мануфактуры. — А наша шаль никогда не будет содержать синтетику! И бахромы ейная — из чистого шелка!»

«Если руки в покое — что-то не то»

Бахромщицы — так называют, кажется, еще со времен Ивана Лабзина женщин, которые «обвязывают» шелковой бахромой самые дорогие, самые большие шерстяные шали. Делают так только в России и только вручную — ни одна современная вязальная машина не может завязать столько мелких узелков, выплетая из них орнамент, похожий на соты пчел. Если вязать быстро-быстро, то на шаль уйдет часа два, а стоит такая кропотливая работа 130 рублей. «Клеточки должны быть одинаковыми по размеру, симметричными по отношению друг к другу, — объясняет бахромщица Надежда Татошкина. — Как ни старайся, а больше пяти-шести платков в день не обвяжешь. И то если ты этим хотя бы лет тридцать уже занимаешься, руку набил». Руку набивают с детства — раньше от фабрики по деревням то телега, то машина ездил, развозила бахромщицам работу. Теперь за шальями приезжают лично.

Надежда еще и гладильщицей числится, поэтому частенько обвязывает шали прямо на фабрике, когда другой работы нет. «Мама моя вязала, бабушка, прабабушка... Да у нас в деревне все этим занимались, дети, старики, даже мужчины. Идешь вечером по улице — у каждого дома соседи группками сидят, работают,

разговаривают. Шутки, смех!» Сейчас Надежде помогает ее 80-летняя мама, она даже обижается, если дочь не привозит работу на дом. «У нас это в крови, — смеется бахромщица. — Мы без платков не можем. Если руки в покое — что-то не то».

Но обвязка — это уже финальный этап. До этого из шерсти ткнут полотно, здесь же, на фабрике. Полотна получаются желтоватые — белая овечья шерсть в природе имеет слегка кремовый оттенок, поэтому их отбеливают, промывают и «заваривают» в специальных растворах, чтобы предотвратить усадку и заломы. Потом на ткань наносят рисунок. Раиса Лачина, начальник отделочного производства, этим занимается с 1965 года: «Качество теперь, конечно, лучше стало — меньше ошибок, все машины делают. А я застала еще те времена, когда мастера рисунок набивали на ткань деревянными резными формами: «манерами» и «цветками». «Манерами» наносили контур и узор, а «цветками» — оттенки. Обмакивали формы в краску, накладывали на платок, натянутый на раму, «набивали» сверху кулаком или чугунным молотком, чтобы краска лучше пропитывала ткань, — и так десятки, а то и сотни раз, ведь каждый цвет и контур требовал отдельной доски». Изготовить форму на величину всего платка не получалось — такую в руках не удержишь, поэтому рисунок разбивали на части, от 4 до 24 в больших шальях со сложным узором. Над каждым павловопосадским платком работали двое мастеров, каждый набивал узор в своем углу.